ЭКСПЕДИЦИЯ ВО МРАК
III ЧАСТЬ – ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ АККОРД

1. ГЛУБИНЫ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ

2. НЕВЗИРАЯ НА...

Какой нас черт сюда занес?
У нас, наверно, с головой не все в порядке.
Над головой десяток гроз,
Снаружи жуть, водохранилище в палатке,
Хоть говорил старик-абхаз,
Что будет солнечно и небо будет чисто.
Ах, этот Западный Кавказ –
Места паломничества спелеотуристов! (*278)

Грех жаловаться, с погодой нам до поры везло.

...Стоя над небольшим отверстием на дне неприметной карстовой вороночки, трудно представить, что отсюда начинается одна из глубочайших пропастей мира.

Белые глыбы известняка, серая мемориальная плита с именем Вячеслава Серафимовича Пантюхина, зеленые колючки вокруг и неумолчный звон кузнечиков.

За ближними лесистыми отрогами нашего хребта бездонно уходит вниз ущелье Бзыби, за которым в ясную погоду сказочным миражом высятся белые скальные пики Арабики.

Абац очаровал меня с первого взгляда...

Сказать, что Пантюхинская начинается паршиво, значит, ничего не сказать. Нет, есть, конечно, и более "приятные" входы, но...

Торопись, не торопись, старайся, не старайся – до первого приличного отвеса – час. Час ходу по узким ходам, небольшим колодчикам, уступам, щелям, ползком и лазанием, пешком и на распорах.

Хочешь, не хочешь – час. И только тогда перед вами распахивается желанное устье 107-метрового колодца.

Курим с Параконным в небольшом расширении на краю. Из колодца знакомо тянет ветром и холодом. Небольшая табличка на левой стене напоминает о случившемся здесь в прошлом году несчастье.

– Чертова ползучка, – говорю я. – Такой колодец испортила. Представляешь, сразу бы с земли – и такая штука, а?

– Мы тут расширили, когда парня этого тащили, – Володя, щурясь от моей карбидки, кивает на табличку. – А то вообще была тоска. Сейчас-то прямо проспект.

– Хм, проспект... Как он упал?

– Точно, конечно, никто не знает. Их группа шла вниз, он был предпоследним, а над колодцем Виталий Палыч, ну – Рыбальченко наш, оставался. Парень этот здоровенный был, тяжелый, да еще мешков кучу нацеплял... Он недалеко отошел, когда веревка над ним лопнула.

– Так он что, по одной веревке шел?

– Нет, конечно. Но самостраховка под таким весом не сработала. Ребята со дна колодца видели искры – самостраховочный зажим по тросу скользил. Корпус чуть не наполовину распилило.

– Да-а...

– Ну, а мы как раз снизу подходили, на выход поднимались. Он, считай, сто метров падал... Такие дела.

* * *

Табличка на стене смотрит в спину. После прошлогодней аварии новокузнечанам в Пантюхинской вдвойне тяжело – тем более решиться на одинарную веревку.

Есть как сторонники, так и противники этих мемориальных табличек, по красноярскому примеру отмечающих в пещерах места трагедий.

В Заблудших на дне К-20 навеки выбито в металле имя Мишани Потехина.

И все же я считаю, что место таким табличкам наверху, у входа.

Там, где больше бывает людей.

Там, где таблички эти, напоминая об опасности, еще оставляют возможность не вступить в игру.

В пропасти эта память даже самым толстокожим из нас давит на психику, расшатывая столь необходимое внутреннее равновесие.

* * *

...Похоже, забитые французами крючья нам не помогут.

Вот уже часа два по очереди болтаемся с Параконным в кажущейся бездонной каменной трубе К-107, забиваем свои.

По рассказам Васи Вилисова, лидер французов использовал два скай-хука – "небесных крюка"(*279). Поочередно цепляясь ими, ему удалось в самом верху колодца уйти далеко в сторону. В результате французская навеска из К-107 сразу же, минуя перильный участок на дне, уходила в следующий за ним 47-метровый колодец.

У меня скай-хук только один, и я остро чувствую этот пробел в своей экипировке. Все же мне удается маятником отойти на несколько метров в сторону от капели, но и только.

Что ж, это и к лучшему – не будет искуса искать и использовать французские крючья. Все будем делать сами.

Один из нас бьет, второй мерзнет наверху колодца.

Московские "спиты" в скалу идут неважно, быстро тупятся, но делать-то нечего! Других крючьев у нас нет.

Да-а, это вам не бахчисарайские туфы! Миша Дякин привез в Бахчисарай первые образцы шлямбурных крючьев собственного кооперативного производства.

Ну, как тут утерпеть?

– Давай заколотим куда-нибудь!

Далеко ходить не надо – белые глыбы разбросаны повсюду. Дякин достает из сумки специальную ручку – "спитовницу", как говорят болгары, наворачивает на нее корончатый крюк, достает из той же сумки скальный молоток тоже собственного производства и наносит первые удары.

О, чудо! Крюк лезет в камень, как палец в ноздрю. Буквально десятка два-три ударов молотка и спитовница упирается в поверхность камня.

Мы смотрим друг на друга круглыми от восторга глазами.

– Классно! – говорит Миша и начинает выворачивать спитовницу из крюка.

– Вещь! – подтверждаю я, сгорая от желания попробовать самому. – Дай я...

Договорить я не успел , потому что в последний момент Миша решил потянуть спитовницу на себя и... вынул ее из камня вместе с крюком.

Что делать, если крымские туфы режутся ножом!

Здесь не Крым, в том числе и климат.

Сквозит из колодца, как с бабушкиной кухни...

Постепенно уходим по стене все дальше влево, избегая опасности получить камень из-под ног идущего выше.

А на душе – песня! Мы – в Пантюхинской!

Высматривая место для очередного крюка, сильно откидываюсь от стены, озираюсь. Слева выше какое-то окно или ниша. Заглянуть?

Подтягиваюсь, на скай-хуке, ухожу маятником, еще немножко, еще. В ярком свете карбидки видимость исключительная. Как Параконный работает со своим "электробычком"?

Вот и окно (*280). До него еще с метр гладкой белой плиты. Выбираю зацеп, подтягиваюсь, и... чувствую, как эта белая плита вдруг начинает подаваться от стены. В страхе отшатываюсь, едва не сорвавшись с маятника.

В клекоте осколков плита летит вниз.

Уфф!

Мы не первые в пропасти, но отличаемся от первопроходцев только знанием ее принципиального строения, некоторых потенциальных опасностей и сложностей. Трассу нам приходится пробивать по нетронутым, никем не хоженым и не чищеным от готовых сорваться камней стенам.

Забиваю последний свой крюк и поднимаюсь к заиндевевшему над колодцем Вовке.

Смена.

* * *

Мы отступаем, так и не коснувшись дна К-107. Собственно, веревку мы навесили, но последний пролет великоват - надо бы его разбить еще на пару участков.

Но - восемь часов работы, хватит. Если учесть, что мы пробили крючьями и навесили все небольшие отвесики входного меандра и две трети этого циклопического колодца - нормально.

Для первого дня, для акклиматизации.

...Если бы не этот час обратной корячки!

Наверху К-107 встречаем двойку Шалыга-Куришко с телефоном. Тянут связь.

О! Телефона-телефона, чукча кушать хочет!..

* * *

...Зато мы так оснащены,
Что позавидуют японцы в Гималаях:
Есть у начальника штаны
И даже рация - нас это окрыляет!
Вот время выхода на связь,
И снова:
- Лагерь? Я - пещера!
- Да заткнись ты!
  Ах, этот Западный Кавказ -
  Места паломничества спелеотуристов!

* * *

Экспедиция только начиналась. Настроение было замечательное, и основные подземные приключения были еще впереди.

Но в привычном пещерном фольклоре начинали звучать тревожные нотки.

Такие, как эта песенка:

Мы крюк вбивали целый день -
Скала, конечно же, не пень,
Хоть крюк московский - дребедень,
Но мы забили.
   Потом вернулись на-гора,
   И каждый думал - Ну, ура!
   Навеска есть,
   И завтра мы в дыру попилим.
Но Паша вдруг,
Вот тоже - друг!

Из стенки выдернул тот крюк.
А почему?
Да потому.
Он не понравился ему! (*281)

Так на пятый день штурма экспедиция, едва начавшись, закачалась на грани поражения.

Поднимаясь по К-107, Паша Куришко один за другим вырвал два крюка, забитые нами с Параконным еще в первый день.

Группа возвращалась налегке, и Куришко шел последним.

К этому времени мы забили почти три десятка крючьев (как у французов!) и достигли старого дна пропасти перед сифоном на -650. Веревки навешены, часть снаряжения для дальнейшего штурма заброшена в пещеру, установлен подземный лагерь перед сифоном и вдруг...

Крючья не просто выпали из породы - они сломались: раскрошились, лопнув вдоль по оси.

Весть мгновенно облетела лагерь. Пришлось собирать консилиум. В чем дело? Почему так одинаково сломались сразу два крюка?

Все припасенные нами крючья из одной партии, купленной мною в Москве в декабре прошлого года. Если все они поражены одной и той же болезнью - все пропало.

Не только дальнейшее продвижение представлялось смертельно опасным, но даже извлечь из пропасти навешенное и заброшенное туда снаряжения становится задачей предельно рискованной.

По очереди рассматриваем злополучные обломки, перебираем еще не использованные крючья. Выглядят они вполне нормально.

Надо пробовать, ставить эксперимент. И вот около небольшого скального обнажения в черте лагеря застучали молотки.

Куда деваться? Мы, сопя,
Забили крюк, не торопясь,
Забили новый крюк и шли с довольной рожей.
  Рожденный ползать - знает всяк,
  Коли, конечно, не дурак, -
  Летать не должен.
  ...Хоть, конечно же и может.
А Серьга вдруг,
Ну, тоже - друг!
Взял да и выломал тот крюк!
А почему?
Да потому.
Летать понравилось ему!

Пока колотим экспериментальные крючья, выясняется еще один факт.

Оказывается, сегодня Сергей Шалыга тоже выломал крюк, но по какой-то причине мы узнаем об этом только сейчас.

Все мужское население лагеря скучилось у изрешеченного крючьями камня, женщины и дети опасливо поглядывают на нас от палаток.

Что и говорить, ситуация нешуточная. Того и гляди, все полетит к чертовой тетке!

Здесь же лидер керчан Сергей Клименко, руководители феодосийской команды Женя Дубинин и Андрей Леонов. Феодосийцы, в основном школьники, стоят лагерем чуть в стороне и оказывают нам посильную поддержку в выполнении текущих работ в пропасти.

Крючья забиты. Теперь надо рвать.

Юра Бессергенев собирает все наличные стальные карабины, состегивает их в тяжелую цепь – один конец в ушко крюка, другой – на скальный молоток: поехали!

Так и есть. Добрая треть забитых крючьев не выдерживает жестких ударов цепи.

Повреждения те же – трещины и сколы по оси.

Внимательный осмотр и сравнение осколков приводят к неутешительному заключению. Практически у всех крючьев внутреннее отверстие на доли миллиметра сбито в сторону относительно оси тела крюка.

Результат – ослабленная зона по тонкой стенке, разрушение.

Это катастрофа.

Что же все-таки делать???

* * *

Если дело не заладилось в самом начале, оно так и норовит продолжать в том же духе. Замечали?

Наши приключения начались еще в Адлере.

Сначала переволновались из-за забастовки на железной дороге: основной экспедиционный груз прибывал в Адлер поездом через Москву.

Но обошлось. На полянке у вертолетного поля выросла куча разноцветного рюкзачно-мешочного барахла.

Вот уж действительно, Адлер – перекресток всех дорог. Кажется, плюнь – попадешь в спелеолога. Куда ни обернись – знакомые морды!

Страшно рад видеть Резвана.

Ба-а! Иконников!

Подъезжают из Леселидзе Вася Вилисов с председателем местного кооператива с громким названием "Арабика" – он не из наших, и я его не знаю.

Пока они перепираются с Сергеем Клименко о правах на приоритет посещения Пантюхинской, снимаю всю компанию на видео.

Резван демонстративно обнимает Любу и победно смотрит в объектив камеры.

Я снимаю, а Вовка кивает Любе в мою сторону:

– Он из Казахстана, до него доходит медленно, ме-едленно так – от ног к голове!

Я передвигаю трансфокатор, и Резван шутливо отшатывается:

– О, дошло. Сейчас он переключит эту штуку на стрельбу!

Все, вроде бы, пока складывается нормально, но наши волнения еще не кончились. Мы ждем самолет, которым из Ижевска должна прибыть бОльшая половина нашей веревки.

Дернул же меня черт пойти на эту авантюру!

В начале лета на Кырк-Тау работала наша совместная с ижевцами и москвичами экспедиция. До того ижевцы приезжали к нам учиться SRT, в общем, мы подружились, что называется, клубами.

Зимой на красноярском SRT-семинаре Саша Чепеленко, известный в спелеокругах под прозвищем Чапай, договорился с Мартином Трантеевым о том, что в начале лета болгары поставляют Ижевску партию болгарской веревки. Болгары брались привезти веревку в Адлер, но у ижевцев возникали проблемы с ее вывозом далее в Союз.

Так или иначе, но мне в голову пришла изящная комбинация, следуя которой мы привозили на Кырк-Тау свою веревку, а взамен перед Пантюхинской получали в Адлере болгарскую. Дальнейший размен не казался сложным, но зато обе экспедиции значительно экономили на перевозке доброй сотни килограммов веревки каждая.

Если бы я знал тогда, с кем имел дело!

Мы выполнили свои обязательства, но дальше...

Болгары не сдержали слова, и веревку в Адлер не привезли. Понятно, что выяснилось это буквально перед самым началом нашей экспедиции. Результатом

лихорадочного обмена телеграммами с Ижевском, стало обещание Чапая прислать нашу веревку попутным авиарейсом.

Мы ждали самолеты из Ижевска, встречая каждый рейс, оставили в порту даже особую группу, которая потом была вынуждена догонять основную команду, и... не дождались.

Чепеленко подвел нас серьезно. Мы лишились километра проверенной импортной веревки – половины всей навески на Пантюхинскую.

И только запасливость Сереги Клименко спасла экспедицию от краха в самом ее начале: керчане "на всякий случай" захватили три бухты новенькой белоснежной нашей родненькой советской веревки!

Вот уж точно – запас карман не тянет!

Экспедиция была спасена, и даже слухи о том, что из-за абхазской напряженности вертолетчики не возят спелеологов на Бзыбь не смогли испортить наше настроение. Мы готовы были делать заброску пешком – не привыкать. Хотя при виде горы экспедиционного груза начинало саднить плечи.

Но вертолет все-таки дали. В итоге весь груз, а также женщины, дети и "немощные старики" были в четыре летки заброшены на Абац, где нас уже встречали гостеприимные феодосийцы.

* * *

...Вертолет закладывает вираж налево, в гигантский пролом Бзыбского ущелья меж вздыбленными хребтами.

Справа остаются изящные свечки многоэтажек Гагры, и вот мы уже летим среди уходящих вверх заросших темно-зелеными джунглями склонами.

Я не отрываюсь от видоискателя видеокамеры.

Мог ли я мечтать сделать такие кадры?

Когда вертолет слегка наклоняется на виражах, совсем недалеко внизу видна стальная жилка шоссе на Рицу, по которой ползут цветные жучки автомашин.

Гул винтов заглушает слова: поэтому не сразу понимаю, что же кричат ребята, показывая куда-то вниз.

А-а! Это Голубое озеро – знаменитый карстовый источник смотрится великолепной голубой бусиной в окружении игрушечных крыш домиков туристических построек и красных брусочков "Икарусов" на асфальтовой площадке неподалеку.

Красиво!

Успеваю снять несколько кадров, но наш "Ми-Восьмой" уже снова меняет курс – вертолет постепенно взбирается выше и выше вдоль грандиозной стены ущелья, на которой уже то там, то здесь проблескивают белые отвесы известняков.

Винтокрылая машина на несколько секунд зависает и... вдруг начинает резко снижаться.

Новое дело! Кто-то из экипажа высовывается из открытой двери кабины и что-то кричит.

Невольно вспоминается:

"Товарищ прапорщик, заглушите танк!"

"Есть, товарищ командир, – А-а-а!!!"

Оказывается, мы перестарались с грузом и теперь надо выбросить часть мешков прямо у подножия склона. Иначе на плато не взлететь.

Вторая попытка оказывается удачнее, и вот уже под винтами плывут усеянные воронками поросшие густой травой склоны Абаца.

Есть такое дело!

В каждой бочке меда есть место для ложечки дегтя.

Вертолетчики выбросили нас гораздо выше лагеря.

В итоге заботливо посаженные в вертолет "женщины и старики" в семь ходок таскают к базе несметные кучи чертовых мешков, в то время как основная мощь и гордость экспедиции – не сказать, что не потея, но налегке – поднимается по тропе на хребет.

Впрочем, за удовольствие увидеть с воздуха Бзыбское ущелье и окружающие хребты стоило и потрудиться.

* * *

И вот новый удар. Московские крючья...

И снова нас выручают друзья. Проблема разрешается фантастически просто. Обычно так не бывает, но тут...

Может быть, я не слишком грешен в миру?

В самый разгар всеобщего уныния, Андрей Леонов вдруг протягивает на ладони черноватый металлический цилиндрик:

– Мужики, а если наши попробовать? Мы перед выездом заказали штук сто – вот таких.

– Ну-ка, ну-ка? – Бессергенев, наш главный механик и эксперт, хватает феодосийский крюк и без лишних слов направляется к "испытательному камню".

Снова стучат молотки.

Феодосийские крючья держат! Из трех наудачу выбранных и забитых крючьев не сломался ни один.

Более того, крючья не тупятся и "лезут" в известняк в два раза быстрее московских.

– Вы только гляньте!

– Ве-ещь! И как вы их делали? – просветлевшие взоры обращены к смущенно улыбающимся феодосийцам.

– Известно как! Отдали французский образец слесарю дяде Васе. Есть у нас такой умелец. Ну и... вот!

– Кажется, теперь живем!

* * *

И снова крики:

– Мать, мать, мать!

– Ты, Федя, крюк заколошмать!

– Да не московский крюк,
  Давай феодосийский!
  Ошибки нет, ведь перед тем
  Проверил Юра, что рентген,
  Промяв те крючья, как в закусочной сосиски!

Но Генка вдруг, –
Вот чертов друг!
Он взял и выдернул тот крюк.

А почему?
Да потому.
И сам я толком не пойму!

Гена Ледовских вырвал крюк при подъеме где-то на –500, правда, случилось это уже на завершающей фазе экспедиции.

Крюк вылетел, веревка сыграла маятником. Оплетка была содрана о карниз чуть ли не на полуметре, однако рыжая польская веревка выдержала рывок, и Гена отделался легким испугом.

Но это была уже обычная работа и обычная авария, полностью исключить вероятность которой невозможно при любой технике.

А пока мы предпринимаем отчаянные усилия, чтобы наверстать упущенное время. Бракованные крючья свели на нет нашу пятидневную работу, если не считать того, что многие веревки и снаряжение для дальнейшего штурма были уже заброшены в пещеру.

После долгих сомнений решаем пойти на некоторый риск.

Утром 6 августа в пропасть уходят две двойки: нам с Бессергеневым предстоит забивать новые крючья, начиная от входа, а Федору Рыльскому и целиноградцу

Сергею Вержанскому – спуститься налегке до самого конца навешенной части пещеры и начинать замену крючьев снизу вверх.

Этой двойке доставалась довольно нервная работа – спуститься на –600 по ненадежным московским крючьям. Хотя я считал, что особого риска нет. Зная, что на верху отвесов крючья сдублированы, я рассчитывал, что промежуточные крючья в большинстве своем все же выдержат, а мощные польские веревки, навешенные на этом участке, оставляли запас прочности на случай возможного срыва.

Но работать, когда не веришь в навеску, все-таки неприятно.

Так что, пропустив вперед быструю и легкую по весу двойку Вержанского, мы с Юрой начинаем новую обработку отвесов Первого каскада Пантюхинской.

Феодосийские крючья оправдали самые смелые надежды.

Там, где мы с Параконным тратили по полчаса на крюк, наша двойка, действуя параллельно, продвигается вчетверо быстрее.

Старые крючья действительно держали – почти ни один не выказал явного желания выкрошиться из стены. Мы выходили каждый на свою точку, колотили молотками, перевешивали веревку и снова катились вниз.

Это была хорошая работа!

...Особо запомнились два колодца со щелями на входе – следующие один за другим где-то на –250.

Первый из них начинается коротким горизонтальным лазом, выпадающим на отвес.

В средней части этой узости кто-то удивительно бездарно влупил крюк.

И ведь изрядно попотел, чтобы забить крюк в таком дурацком месте!

И вот теперь, проползая по щели, вы неизбежно натыкались на этот нелепый крюк, застревали и, болтая над колодцем ногами, цветисто украшали эпитетами родословные щелей, крючьев и дураков с молотками.

Со сладострастным наслаждением переделываю эту дурнавеску, и догоняю Юру на дне колодца перед следующей более протяженной узостью.

Перила с понижением уходят в вытянутую вверх вертикальную щель, где Бессерегенев, пыхтя и бороздя железом стены, совершает очередную попытку нащупать в этой клоаке проходимый фарватер.

К моему приходу ему удается продвинуться метра на два – каска уже на уровне моих колен.

– От черт! – Юра останавливается. – Каска застряла. Глянь, что там у меня?

Засунувшись подальше в щель, обнаруживаю курьезное препятствие: каска заклинена перильной веревкой, за которую мы страхуемся, чтобы не выпасть в уходящий вниз колодец – щели не хватило каких-то 5 миллиметров ширины, чтобы пропустить спелеошлем, и Юра застрял.

Сообщаю ему причину задержки. Неимоверно скрежеща сапогами, железом, комбинезоном и каской, Бессергенев совершает в щели какие-то замысловатые движения, подается назад, приподнимает перила и, наконец, исчезает за поворотом. Только отсвет карбидки да удовлетворенное ворчанье говорят о его присутствии за узостью.

– Как там? Я иду?

– Погоди. Тут вдвоем тесновато.

Судя по звукам, Юра пристегивается к веревке, шуршит куда-то вниз, и только тогда слышу:

– Свободно!

Я учел все Юрины промахи, но, признаться, перед этой щелью у меня впервые возникла предательская мыслишка – а не плюнуть ли на всю эту акробатику и не послать ли Пантюхинскую куда подальше? Думаю, многим известны подобные минуты мимолетной слабости.

Ненавижу узости!

Интересно, знай я тогда о том, что нас ждет дальше, не утвердился ли бы я в этой благой мысли? Потому что этот небольшой шкуродерчик и в подметки не годится замечательным меандрам засифонной части пропасти.

Но о них мы тогда имели смутное представление.

* * *

Наши двойки сомкнулись где-то на -300. В общей сложности мы забили 22 феодосийских крюка, кое-где применили локальные петли и полностью исправили навеску.

Если не считать моральных издержек, в итоге мы потеряли только сутки.

Ну, и тот пустяк, что после 12-часового "исправительного" выхода четверо из ударной группы нуждались в отдыхе.

Но - это была удача.

Путь в глубину был открыт!

Ну, что же делать нам, друзья?
Ведь этак лазать же нельзя!
Неужто снова посылать за француз'ами?
  Чтоб не сидеть потом на дне,
  Трясясь в унылой тишине
  В кругу таких друзей, с печальными глазами!
Ведь каждый друг,
Хороший друг!
Готов рвануть из стенки крюк!
...И я еще
Сказать хочу -
Нам и французский по плечу!!!

Так кончалась наша песенка о крючьях.

А между тем штурм продолжался.

* * *

Ключ пропасти - ее средняя часть.

Здесь, на участке от сифона на -650 до отметки -800, вам предстоит "осмотреть" два длиннющих щелевидных меандра, прерываемых отдельными уступами и колодцами.

Оговорюсь, зрелище не для слабонервных. Красивые штучки откопал Игорь Вольский за своим слякотным сифоном.

Поначалу мы рассчитывали, что в начале лета в пропасти уже кто-нибудь (согласно грозным предупреждениям Симферополя) да будет работать и вычерпает сифон. Но нам было суждено - и это хорошо - самим пройти весь путь во всех подробностях.

Сифон отчерпали довольно быстро и благоустроили, положив в него металлический контейнер из-под продуктов - красноярское изобретение, известное под красноречивыми именами: "першинг" или "пуля".

Ложишься на пулю пузом и, практически не замочившись, проскальзываешь вдоль перил за сифон.

Это было важное обстоятельство, потому что мы работали без герметичных гидрокостюмов. В пещере и без того не слишком мокро, а наша СРТ-навеска вообще сделала ее сухой.

Так вот, сифон отчерпали и вымостили дюралевым транспортником. Далее...

Далее идет Первый засифонный меандр.

На 130-ти метрах этой части пещеры приходится упражняться в самых различных способах передвижения.

Сначала весьма пристойно продвигаешься боком по дну высокой щели. Но постепенно щель в нижней части сужается и вытесняет вас наверх. Приходится

передвигаться на распорах где-то в средней части диклазы - где ее пол и потолок можно только догадываться. Хорошо еще, что падать здесь особенно некуда - узковато.

Заканчивается это удовольствие короткой калибровкой - "С топором". Название такое. Здесь и сейчас лежит старый топор, которым когда-то, во времена первопроходцев, расширяли этот заросший натеками лаз.

Вся подлость этой замочной скважины заключается в том, что верхом здесь человеку не протиснуться, зато низом не проходят транспортные мешки. Так что волей-неволей приходится организовывать цепочку для передачи груза "над топором", а самим поочередно просачиваться низом.

* * *

За "Топором" характер меандра разительно меняется. Теперь это широкая и высокая, поросшая сталагмитами расщелина. Она по-прежнему практически непроходима по низу, и посему для передвижения требуются изрядные навыки распорного скалолазания.

Эта расщелина - родная сестренка предыдущей лишь с одним существенным отличием: угроза срыва и падения здесь более чем реальна.

Кончается удовольствие 27-метровым колодцем, античный стиль архитектуры которого отражает название - "Пантикапей".

Налегке этот отрезок пути - от сифона до "Пантикапея", проходится за тот же час, что и входной меандр пропасти, но лазание гораздо опаснее.

Именно здесь мы убедились в преимуществе наших горнолыжных шлемов перед строительными, монтажными, шахтерскими и скалолазными касками - закрытые шлемы, конечно тяжелее, в них бывает порой жарковато, но зато они защищают не только макушку, но виски, уши и затылок.

И делают это надежно.

У нас не женщины - мечта!
Порою хочется стреляться, как сапожник.
Они летают даже там,
Где и летать принципиально невозможно!
Вяжите, братья, полиспаст:
Они идут, как в ссылку жены декабристов.
  Ах, этот Западный Кавказ -
  Места паломничества спелеотуристов!

Нет, наши женщины не летали. Оставаясь в наземном лагере, они стойко переносили все тяготы наземного обеспечения экспедиции, при встречах возвращая нашим сердцам твердость.

Зато летали мы. Еще до Гены Ледовских, чуть не порвавшего польскую веревку, при транспортировке груза в Первом засифонном меандре выскользнул из распора и сорвался феодосиец Володя Салимов. По устоявшейся среди большинства спелеологов Союза традиции Володя предпочитал носить обычную строительно-монтажную каску, годную разве что для смягчения прямого попадания по темечку воробьиной какашки.

В самом начале падения с 3 метров Салимов задевает затылком о стену - каска мгновенно съезжает на нос и дальнейший контакт с усеянной кораллитами стеной поддерживает ничем не защищенная голова.

Володя получил изрядную ссадину головы, полив меандр кровью из страшноватой на вид, но, к счастью, достаточно легкой раны.

Было ясно, что успех работы в придонной части пропасти зависит от того, на сколько эффективно удастся решить задачу передвижения и перемещения грузов по засифонным меандрам.

Поэтому я пошел на несколько нестандартный тактический ход, спланировав сразу же за Первым меандром на самом верху "Пантикапея" второй подземный лагерь на 4 человека, условно названный "База -700".

Лагерь состоял из двух спаренных гамаков, подвешенных на тросовых растяжках прямо в конце меандра в нескольких метрах перед колодцем – палатку там ставить некуда.

Теперь идущие с земли группы с ходу преодолевали засифонный меандр и находили приют в этом далеко не самом комфортабельном лагере – но, идя с земли, это вполне можно было терпеть.

Поднимающиеся, напротив – с ходу проскакивали "Базу-700" и уходили на отдых за сифон в "Базу-600" – самый сухой и приятный из всех оборудованных нами в Пантюхинской подземных лагерей.

* * *

Еще одной тактической удачей в борьбе с прелестями ключевого участка Пропасти стала "постоянная прописка" в "Базе-600" второй штурмовой четверки в составе усть-каменогорцев: Андрея Волкова, Сергея Шалыги и Андрея Суртаева (Понтя) и новокузнечанина Игоря Романенко (Кэп). Доблестная команда отработала в пропасти самую длинную непрерывную подземную смену – 9 суток.

Пойти на это достаточно жесткое решение меня подтолкнуло соображение, что чем большее число раз приходится пройти один и тот же участок пещеры, тем меньше усилий требуется с каждым последующим прохождением.

И расчет полностью оправдался.

В итоге наши "подземные волки", хорошо осмотревшись и приноровившись к лазанию по Первому засифонному меадру, на транспортировку по нему грузов тратили вдвое меньше времени, чем понадобилось бы группам, проходившим этот путь впервые.

Кроме перетаскивания грузов, четверка Волкова занималась благоустройством маршрута, оборудовав весь участок распорного лазания между калибром "С топором" и Пантикапеем надежными перилами из 12-миллиметровой веревки. Это резко снизило риск и облегчило передвижение всем остальным группам.

100 метров доброй толстенной веревки ушло на это удовольствие!

Но... зачем искушать Судьбу?

Хватило полета и одного Салимова.

Так или иначе, но к 10-му августа – на десятый день работ, трамплин для попытки достичь дна Пантюхинской был в основном подготовлен.

Невзирая на!..

---

278 И.Петрущенко "Дзышра-85", Москва. Эту песню я получил на память от Всесоюзного слета в Свердловске, где ее так классно пели москвичи и ленинградцы. И у нас она пошла замечательно!

***279 СКАЙ-ХУК** – "небесный крюк", специальный крючок, позволяющий цепляться за мельчайшие неровности рельефа.

***280** Не в этом ли окне, куда я так и не успел заглянуть, позднее нашли проход в параллельный ствол?

***281** К.Б.Серафимов "Крючья", урочище Абац, 1990г.

Константин Борисович Серафимов
"ЭКСПЕДИЦИЯ во МРАК"
www.sumgan.com